

Муниципальный этап олимпиады по литературе

Комплект заданий для 11 класса

2023 год

Методические рекомендации

Задания для 11 класса составлены в соответствии с рекомендациями по проведению муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе, утверждёнными приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 27 ноября 2020 г. № 678 «Об утверждении Порядка проведения всероссийской олимпиады школьников», и предназначены для использования муниципальными предметно-методическими комиссиями.

Задания ориентированы на выявление конкретных знаний предмета, творческих способностей ребят и возможность применять эти знания, умения и навыки на практике. Задание первое предполагает выявить способность к аналитическому мышлению в области литературы на основе имеющихся знаний историко-литературного процесса, его как обобщенного, так и конкретного анализа. Особое внимание к научной терминологии, ее глубокому пониманию и способности трактовки в контексте вопроса.

Время на выполнение заданий – 270 минут.

Концепция задания позволяет выявить не только фактические знания участника олимпиады, но и способность к логическому рассуждению и аргументированным выводам, что является главной целью целостного анализа текста и главным фактором постановки высшего балла.

Второе задание подразумевает способность учащегося к творческому мышлению на основе литературной эрудиции. Предполагается, что участник олимпиады способен продемонстрировать творческий подход к решению поставленной задачи.

При проверке работ, безусловно, необходимо оценить и читательский кругозор, и эрудицию ученика, и богатство словаря, и разнообразие использованных синтаксических конструкций.

Необходимо помнить, что главная цель олимпиады - способствовать развитию устойчивого интереса школьника к литературе.

1.Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных текстов (прозаического или лирического), учитывая следующие аспекты: доказательные рассуждения с опорой на текст, наличие комментариев и оценок, выявление авторской позиции и способов её выражения, детальность аргументации, корректное использование литературоведческих понятий, логичность, связность, отсутствие грамматических и речевых ошибок, грамотность, использование фонового материала из области культуры и литературы.

Направления для анализа: смысл названия произведения, проблематика рассказа, роль диалога в повествовании, выявление авторского «Я», философия текста, своеобразие образа повествователя, роль языковых, художественных средств в выявлении основной его идеи.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

В. В. Набоков Пассажир

- Да, жизнь талантливее нас,- вздохнул писатель, постукивая картонным концом папиросы о крышку портсигара.- Иногда она придумывает такие темы... Куда нам до нее! Ее произведения непередаваемы, непередаваемы...

- Все права закреплены за автором,- улыбнувшись, подсказал критик, скромный, близорукий человек с тонкими, подвижными пальцами.

- Нам остается только жулить,- продолжал писатель, рассеянно бросив спичку в пустую рюмку критика.- Нам остается делать с ее творениями то, что делает фильм режиссер с известным романом. Режиссеру нужно, чтобы горничным в субботний вечер было нескучно, и потому он этот роман меняет до неузнаваемости, крошит его, выворачивает, выбрасывает тысячу эпизодов, вводит придуманные им самим происшествия, новых персонажей,- и все для того, чтобы получился занимательный фильм, развивающийся без всяких помех, карающий в начале добродетель, а в конце - порок, совершенно естественный в своей условности и, главное, снабженный неожиданной, но все разрешающей развязкой. Вот точно так же и темы жизни мы меняем

по-своему, стремясь к какой-то условной гармонии, к художественной сжатости. Приправляем наш пресный плагиат собственными выдумками. Нам кажется, что жизнь творит слишком размашисто и неровно, что ее гений слишком неряшлив, мы в угоду нашим читателям выкраиваем из ее свободных романов наши аккуратные рассказы,- ad usum delphini. Позвольте же по этому поводу вам сообщить следующий случай.

Ехал я в экспрессе, в спальном вагоне. Я очень люблю дорожное новоселье,- холодноватое белье на койке, фонари станции, которые тронувшись медленно проходят за черным стеклом окна. Было мне приятно, помнится, что надо мной, на верхней койке, никого нет. Раздевшись, я лег навзничь, подложил под затылок руки,- и легкость узкого казенного одеяла была прямо-таки сладостна после пухлости отельных перин. Помечтав кое о чем,- мне о ту пору хотелось писать повесть из жизни вагонных уборщиц,- я выключил свет и очень скоро уснул. И тут разрешите мне употребить прием, частенько встречающийся в таких именно рассказах, каким обещает быть мой. Вот он,- этот старый, хорошо вам известный прием. "Среди ночи я внезапно проснулся". Впрочем, дальше следует кое-что посвежее. Я проснулся и увидел ногу.

- Виноват? - переспросил скромный критик, подавшись вперед и подняв указательный палец.

- Я увидел ногу,- повторил писатель,- Отделение было освещено, и поезд стоял на какой-то станции. Нога была мужская, крупная, в грубом пестром носке, продырявленном синеватым ногтем большого пальца. Она плотно стояла на лесенке у самого моего лица, и ее обладатель, скрытый от меня навесом верхней койки, как раз собирался сделать последнее усилие, чтобы взобраться на свою галерку. Я успел хорошенько рассмотреть эту ногу, серый в черную клетку носок, фиолетовую ижицу подвязки сбоку на толстой икре. Сквозь трико длинного подштанника неприятно торчали волоски. Вообще нога была препротивная. Пока я на нее смотрел, она напряглась, пошевелила раза два цепким большим пальцем, наконец сильно оттолкнулась и взвилась наверх. Там, наверху, послышалось кряхтение, посапывание,- все звуки, по которым я мог судить о том, что человек укладывается спать. Затем свет погас, и через несколько мгновений поезд тронулся.

Я не знаю, как вам объяснить,- эта нога произвела на меня впечатление гнетущее. Пестрая, мягкая гадина. И меня тревожило то, что из всего человека я знал только эту недобрую ногу, а фигуры, лица так и не увидал. Его койка, которая образовывала надо

мною низкий, темный потолок, теперь казалась ниже, я словно ощущал ее тяжесть. Как я ни старался представить себе облик моего ночного спутника, все у меня торчал перед глазами этот крупный ноготь, блестящий синеватым перламутром сквозь дырку шерстяного носка. Вообще странно, конечно, что такие пустяки могли меня волновать,- "о ведь, с другой стороны, не есть ли всякий писатель именно человек, волнующийся по пустякам? Как бы то ни было, сон ко мне не шел. Я прислушивался,- не храпит ли мой неведомый пассажир? Мне показалось, что он не храпит, а стонет,- но, как известно, ночной колесный стук поощряет галлюцинации слуха. Однако я не мог отделаться от впечатления, что там, надо мною, раздаются какие-то необыкновенные звуки. Я слегка приподнялся. Звуки стали яснее. Человек на верхней койке рыдал.

- Как вы сказали?- прервал критик.- Рыдал? Так, так. Простите, я не расслышал.- И, снова уронив руки на колени и склонив набок голову, он продолжал слушать рассказчика.

- Да, он рыдал,- и его рыдания были ужасны. Рыдания душили его, он шумно выпускал воздух, как будто выпив залпом литр воды, и за этим следовало быстрое всхлипывание с закрытым ртом, какая-то страшная пародия на кудахтание,- и опять вдыхание, и опять мелкие рыдающие выдохи, но уже с открытым ртом,- судя по хахакающему звуку. И все это на шатком фоне колесной стукотни, ставшей тем самым как бы движущейся лестницей, по которой всходили и спускались его рыдания. Я лежал не шевелясь и слушал,- и при этом чувствовал, что у меня в темноте преглупое лицо: всегда становится неловко, когда рыдает чужой человек. А тут еще я был невольно связан с ним тем, что мы лежим на двух полках, в одном и том же отделении, в одном и том же безучастно мчавшемся поезде. И он не унимался,- это ужасное трудное всхлипывание не отставало от меня: мы оба, я - внизу - слушающий,- он - наверху - рыдающий, летели боком в ночную даль со скоростью восьмидесяти километров в час, и только железнодорожная катастрофа могла бы рассечь нашу невольную связь. Потом он как будто перестал,- но только я собрался уснуть, снова заклокотали его рыдания, и мне казалось даже, что вперемежку со всхлипывающими вздохами он произносит какие-то слова, нутряным голосом, животом. Он снова замолк, только посапывал; и я лежал с закрытыми глазами и видел в воображении его отвратительную ногу в клетчатом носке. Я все-таки уснул, а в половине шестого утра проводник рванул дверь, разбудил меня, и, сидя на койке, поминутно стучаясь головой о край верхней койки, я стал поспешно одеваться. Перед тем как выйти с чемоданами в коридор, я оглянулся на верхнюю койку, но он лежал ко мне спиной, накрывшись с головой одеялом. В коридоре было светло, солнце только что встало, синяя, свежая тень поезда бежала по траве, по кустам,

изгибаясь, взлетала на скаты, рябила по стволам мелькающих берез,- и ослепительно просиял удлинённый прудок посредине поля, медленно сузился, превратился в серебряную щель, и с быстрым грохотом проскочил домик, шлагбаум, хлестнула хвостом дорога,- и опять замелькали пятнистым частоколом, от которого кружилась голова, бесчисленные, солнцем испещренные березы. Кроме меня, в коридоре стояли две заспанные, наскоро покрашенные дамы и старичок в замшевых перчатках и дорожном картузе. Я ненавижу вставать рано,- упоительнейший рассвет в мире не может мне заменить часы сладкого утреннего сна,- и поэтому я только хмуро кивнул, когда старичок обратился ко мне: "Вы тоже вылезаете в...?" И он назвал большой город, куда мы должны были приехать через десять- пятнадцать минут.

Березы вдруг рассеялись, полдюжины домишек посыпали с холма, едва второпях не попав под поезд, затем прошагала, блистая стеклами, огромная багровая фабрика, чей-то шоколад окликнул нас с пятисажённого объявления, опять фабричный корпус, стекла, трубы, одним словом, происходило все то, что происходит, когда подъезжаешь к большому городу. Но вот, к нашему удивлению, поезд судорожно затормозил и остановился на пустынном полустанке, где, казалось бы, экспрессу нечего делать. Меня удивило и то, что на платформе стоят несколько полицейских. Я опустил оконную раму и высунулся.- "Закройте окно",- вежливо сказал один из них. Люди в коридоре заволновались. Прошел кондуктор; я спросил, в чем дело. "В поезде находится преступник",- ответил он и кратко объяснил на ходу, что в городе, через который мы проезжали ночью, случилось накануне убийство,- муж застрелил жену и ее любовника. Дамы ахнули, старичок покачал головой. В коридор вошли двое полицейских и краснощекий кругленький сыщик в котелке, похожий на букмекера. Меня попросили вернуться в купе. Полицейские остались стоять в коридоре, а сыщик принялся обходить отделения. Я показал ему паспорт. Он скользнул рыжими глазами по моему лицу и отдал мне бумаги. Мы стояли в тесном купе, на верхней койке неподвижно лежала темная, завернутая с головой фигура. "Вы можете выйти",- сказал мне сыщик и протянул руку наверх на койку, "Ваши бумаги, пожалуйста". Фигура в одеяле храпела. Стоя у открытой двери, я слушал этот храп, и мне казалось, что в нем еще просвистывают отзвуки ночных рыданий. "Пожалуйста, проснитесь",- громче сказал сыщик и каким-то профессиональным жестом дернул за край серого одеяла, у шеи спящего. Тот шевельнулся, но продолжал храпеть. Сыщик потряс его за плечо. Мне стало не по себе, я отвернулся и принялся глядеть в коридорное окно, но ничего не видел, а всем существом слушал, что происходит в купе.

И представьте себе, я не услышал ровно ничего особенного. Сонно заворчал человек на верхней койке, сыщик отчетливо потребовал документы, отчетливо поблагодарил, вышел из купе, вошел в следующее. Вот и все. А ведь казалось, как вышло бы великолепно,- с точки зрения писателя, конечно,- если бы рыдающий пассажир с недобрыми ногами оказался убийцей, как великолепно можно было бы объяснить его ночные слезы,- и, главное, как великолепно все бы это уложилось в рамки моего ночного путешествия, в рамки короткого рассказа. Но, по-видимому, замысел автора, замысел жизни, был и в этом случае, как и всегда, стократ великолепнее.

Писатель вздохнул и замолк, посасывая давно потухшую, вконец разжеванную и замусленную папиросу. Критик глядел на него добрыми глазами.

- Признайтесь,- опять заговорил писатель,- вы были уверены, начиная с той минуты, когда я упомянул о полицейских на полустанке, что мой рыдающий пассажир - преступник?

- Я знаю вашу манеру,- сказал критик, кончиками пальцев коснувшись плеча собеседника и, свойственным ему жестом, сразу отдернув руку...- Если бы вы писали детективный рассказ, вы бы сделали искомым злодеем не того, кого никто из героев не подозревает, а того, кого с самого начала подозревают все, и тем самым провели бы опытного читателя, привыкшего к тому, что ларчик открывается непросто. Я знаю, что впечатление неожиданности вы любите давать путем самой естественной развязки. Но не слишком увлекайтесь этим. В жизни много случайного, но и много необычайного. Слову дано высокое право из случайности создавать необычайность, необычайное делать не случайным. Из данного случая, из данных случайностей вы могли бы сделать вполне заверченный рассказ, если бы превратили вашего пассажира в убийцу.

Писатель опять вздохнул:

- Да-да, я об этом думал. Я прибавил бы несколько деталей. Я намекнул бы на то, что убийца страстно любил жену. Мало ли что можно придумать. Но горе в том, что неизвестно, может быть, жизнь имела в виду нечто совсем другое, нечто куда более тонкое, глубокое. Горе в том, что я не узнал, почему рыдал пассажир, и никогда этого не узнаю....

- Я заступаюсь за слово,- мягко сказал критик.- Вы, писатель, по крайней мере создали бы яркое разрешение. Ваш герой, может статься, плакал потому, что потерял

бумажник на вокзале. У меня был знакомый,- взрослый мужчина необычайно воинственной наружности,- который плакал в голос, когда у него болели зубы. Нет-нет, спасибо. Больше мне не наливайте. Достаточно, вполне достаточно.

М. И. Цветаева Станок»

Направления для анализа: трактовка темы литературной традиции, связь жанра произведения с проблематикой, традиция и новаторство поэта, проблема адресата, образ поэта, пушкинские аллюзии, композиция, связь ритмической и звуковой организации с содержанием текста.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вся его наука —
Мощь. Светло́ — гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой.

Вольному — под стопки?
Мне, в котле чудес
Сём — открытой скобки
Ведающей — вес,

Мнящейся описки —
Смысл, короче — всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось как — поётся
И поныне — так.

Знаем, как «даётся»!
Над тобой, «пустяк»,

Знаем — как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю — как хотелось
В лес — на бал — в возок...

И как — спать хотелось!
Над цветком любви —
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьми!

Перья на вострóты —
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!

А зато — меж талых
Свеч, картёжных сеч —
Знаю — как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов
Битых на полу —
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самогó — с самим!
— Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас — им!.

2. Творческое задание

Аукцион литературных вещей

Для аукциона литературных вещей вам поручили подготовить один лот и его описание для аукционного каталога. Для торгов выбираются предметы, принадлежащие литературным персонажам и имеющие для них особую ценность (а в произведении – значимую смысловую нагрузку). Вам предстоит собрать максимально полную информацию о выбранном предмете, которая должна включать: 1. сведения о его происхождении, времени появления; 2. Описание предмета (с объяснением того, на чем основаны эти сведения); 3. объяснение его роли в судьбе персонажа, связи с сюжетными событиями.

Увеличить ставки поможет «биография» вещи: сведения о том, имела ли она иных владельцев, встречалась ли в других произведениях, каковы в них были её функции.

Циммермановская шляпа, бархатный сюртучок, старые калоши, тюрлюлю, духи в гранёном хрустале, 43 тысячи проигранных денег, туфли из роз, пустая чернильница.

Критерии оценивания 1 задания:

Максимальное количество баллов – 70.

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30**
2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность, уместность цитат и отсылок к тексту произведения. **Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15**
3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**
4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

5. Общая языковая и речевая грамотность, точность формулировок (отсутствие речевых и грамматических ошибок). **Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5**

Итого: максимальный балл – 70.

Критерии оценивания задания 2:

1. Достаточная полнота, точность и уместность информации о выбранном предмете (сведения о происхождении, история приобретения), умение охарактеризовать его функции в произведении, описать роль в судьбе персонажа – 0-20 баллов (можно исходить из расчета 5 баллов за каждый пункт задания).

2. Знание историко-культурного и литературного контекста, умение проследить литературную «биографию» вещи – 0-5 баллов.

3. Общая грамотность речевого оформления – 0-5 баллов.

Максимальное количество- 30 баллов.

Итого: максимальный балл – 30.